

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чжан Цуйцуй

Аспирант, Московский педагогический государственный
университет
cuicuz@yandex.ru

FIELD ORGANIZATION OF EMOTIONAL UNITS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Zhang Cuicui

Summary: The purpose of this article is to define the model of the field organization of emotive units in the modern Russian language. The author provides a brief description of studies that examine the relationship between language and emotions from the point of view of linguistics, and also analyzes the essence of the concept of «emotivity». The article also defines the concept of «emotive units» and analyzes their role in the organization of the language structure from the point of view of linguistics. As examples, such categories expressing emotions as interjections, ideophones and metaphors are considered. At the end of the article, an attempt is made to field organization of emotive units that reflect the emotion «fear» based on the methodology of the nominative-semantic field. The relevance of this study is justified by the increasing number of studies in the field of the emotional sphere of language, since emotions are a complex and complex concept, as a result of which their verbalization in the Russian language is quite diverse. The practical significance and scientific novelty of the study lies in the fact that its results can be used in modeling the field of basic human emotions in Russian on the basis of emotions explicitly nominated in speech, paradigmatic relations, as well as their semantic features.

Keywords: field, structure, linguistics, emotiveness, emotive units, Russian language.

Аннотация: Цель настоящей статьи – определить модель полевой организации эмотивных единиц в современном русском языке. Автором приводится краткая характеристика исследований, в которых рассматривается взаимоотношения языка и эмоций с точки зрения лингвистики, а также анализируется сущность понятия «эмотивность». В статье также определяется понятие «эмотивные единицы» и анализируется их роль в организации языковой структуры с точки зрения лингвистики. В качестве примеров рассматриваются такие категории, выражающие эмоции, как междометия, идеофоны и метафоры. В конце статьи проводится попытка полевой организации эмотивных единиц, отражающих эмоцию «страх» на основе методики номинативно-семантического поля. Актуальность настоящего исследования обоснована возрастающим количеством исследований в области эмоциональной сферы языка, так как эмоции представляют собой комплексное и сложное понятие, в результате чего их вербализация в русском языке достаточно разнообразна. Практическая значимость и научная новизна исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при моделировании поля базовых человеческих эмоций в русском языке на основе эксплицитно номинируемых в речи эмоций, отношений парадигматического характера, а также их семантических особенностей.

Ключевые слова: поле, структура, лингвистика, эмотивность, эмотивные единицы, русский язык.

В настоящее время большое количество исследователей-лингвистов уделяют большое внимание эмоциональной сфере языка, а также реализации эмоционального критерия в рамках коммуникативного процесса. Ввиду того, что эмоции представляют собой достаточно сложное и комплексное понятие, а их вербализация разнообразна, возникает необходимость исследования данной области.

Согласно давней и доминирующей точке зрения, язык является продуктом врожденного, универсального, предметно-ориентированного и инкапсулированного развития конкретного народа¹. В последние годы произошел отход от этой точки зрения, в результате чего исследователи ставят под сомнение многие из этих фундаментальных предположений. Лингвисты все

чаще обращаются к идеям эволюционной биологии для того, чтобы проводить анализ процесса эволюции в контексте изменения языка. Данный тезис выдвигает на первый план языковое разнообразие, подчеркнутое в недавней статье О.А. Кривцуна². Идея единой лежащей в основе лингвистической системы, отличающейся лишь внешней реализацией, кажется все более маловероятной.

Необходимо также отметить, что в настоящее время существует ряд вопросов, касающихся взаимодействия между эмоциями и языком, каждый из которых можно задать на разных уровнях языковой структуры, как предлагает Е.О. Опарина, который указывает следующее: «почти каждый структурный элемент любого языка, по крайней мере, потенциально кодирует

1 Павлова Л.П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52). С. 96-99.

2 Кривцун О.А. Эволюция языка искусства: культурные и художественные влияния // Художественная культура. 2019. №2. С. 2-16.

эмоции»³. При этом язык находится на стыке субъективного познания, с одной стороны, и культуры, с другой. Он представляет собой что-то личное, настолько переплетенное с мыслительным процессом, что кажется неотделимым, равно как и средство для осуществления коммуникативного процесса⁴. Таким образом, язык является идеальной основой для изучения выражения эмоций.

Необходимо также рассмотреть такое понятие, как «эмотивность». Данное понятие является основой экспрессивного характера языковой единицы и представляет собой выраженное в знаке языка субъективное и эмоциональное отношения человеку к конкретному предмету. Как отмечали А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, эмотивность – это эмоциональность, которая преломляется языком в процессе речевой деятельности⁵. При этом данное понятие также характеризует оценку объекта на уровне человеческих чувств, переживаний и настроений.

Соответственно, средством для выражения эмоций в языке являются эмотивные единицы, которые воспринимаются носителями языка и обобщаются на основе национального опыта⁶. Они также представляют собой совокупность фразеологических и лексических единицы, выражающих эмоции, в результате чего «эмоция» становится основой денотативного значения рассматриваемых языковых единиц. Однако при рассмотрении данной группы слов также необходимо понимать, что чувства и отношения человека, воспринимающего эмотивные единицы зависит от индивидуального сознания говорящего, что требует знаний в области антропологической лингвистики.

При этом если языки так отличаются друг от друга, то необходимо понять, как и почему. Это придает особое значение социолингвистике и лингвистической антропологии. В то же время между лингвистикой и психологией происходит все большее взаимодействие, в частности, через подотрасль психолингвистики. В результате в этой статье представлены основные направления исследований эмоций из лингвистических наук, равно как и полевой организации эмотивных единиц в русском языке.

Возможно, будет полезно глубже раскрыть по-

нятие «значение слова», чтобы лучше понять, как эмоции могут быть закодированы в языке. Данное понятие сложно и многогранно. Существует референциальный или описательный аспект значения (вещи в мире, обозначаемые словом или его формой) и сопутствующий интенционал (отношения между формами, такие как таксонимия, синоним и т. д.). Словесные формы характеризуются особой коннотацией, когда выражение эмоций не влечет за собой значение, а подразумевает его. При этом экспрессивный характер значения может передавать чувство или отношение говорящего к содержанию конкретного высказывания, в то время как социальный – указывает на позицию говорящего в обществе.

Такие особенности сопоставляются с различиями, проводимыми в психологии между эмоциями, аффектами и установками. Описательное значение слов для эмоций относится к дискретным состояниям, таким как «счастье», «гнев» и «печаль». Коннотативное значение соответствует общим измерениям возбуждения и валентности. Экспрессивное значение отражает отношение говорящего или его оценку конкретного высказывания⁷. Исследователи в сфере лингвистики обычно сосредотачиваются на одном из этих аспектов, исключая другие: когнитивные лингвисты, например, рассматривают референцию и дискретные эмоции, в то время как лингвистические антропологи сосредотачиваются на социальном значении и используют «аффект» как общий термин. Именно поэтому «эмоция» используется в качестве основного понятия для охвата вышеупомянутых различий.

Когда речь идет о «языке и эмоциях», наиболее заметна лексика; то есть слова, обозначающие или относящиеся к эмоциям, например «гнев», «радость» и «грусть». Значительная работа была сосредоточена на словарях эмоций, в первую очередь Вежбицкой и ее коллегами⁸. При этом в русском языке с использованием различных методов были проведены как исследования эмотивов на микроуровне с акцентом на конкретных словах, так и сравнения целых словарей на макроуровне. Там, где появлялись различия, исследователи задавались вопросом, какими могут быть сопутствующие особенности в неязыковом познании. Однако данный аспект не рассматривается в настоящей работе, так как основной акцент делается на современных тенденциях анализа лексики

3 Опарина Е.О. Эмоциональная сфера в языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 5-15.

4 Мамушкина С.Ю. Коммуникативная релевантность языковых функций // БГЖ. 2016. №4 (17). С. 84-88.

5 Мокиенко В.М., Мелерович А.М. и др. Проблемы фразеологической и лексической семантики: сборник научных трудов. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 286 с.

6 Фомина А.Г. Средства репрезентации категории эмотивности в тексте // Вопросы науки и образования. 2018. №11 (23). С. 1-3.

7 Влавацкая М.В. Коннотативно-селективные ограничения экспрессивных словоупотреблений // Научный диалог. 2016. №6 (54). С. 31-42

8 Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. Pp. 145—178..

эмоций. Для этого рассматриваются три языковых категории: междометия, идеофоны и метафоры.

Междометия

Междометия — это неизменяемые слова, выражающие эмоциональные или психические состояния, которые могут стоять отдельно как высказывание и при обычных обстоятельствах не объединяются в конструкции с другими классами слов⁹. В качестве примера можно привести: «Вау!», «Ах!», «Ой!», «Ну и дела!», «Ой!» и т. д. В данном случае такое выражение эмоций необходимо характеризовать как резкое изменение состояния, наплыв ранее сдерживаемого чувства, разрыв нормальных ограничений, случай застижения врасплох, или, скорее, индикатор эмоционального всплеска.

Внутри языка междометия, как правило, фонологически аномальны, часто содержат звуки и звуковые последовательности, которых нет в других частях лексики. Они необычны с точки зрения морфологии, так как не имеют флексий или производных, применимых к другим классам слов; иногда они демонстрируют морфологические особенности; не подчиняются правилам согласования и т. д. Также утверждается, что их семантика значительно различается в зависимости от языка, так междометия являются универсальным классом слов.

Идеофоны

Идеофоны, как и междометия, представляют собой необычный класс слов. В. С. Алиева характеризует их как «маркированные слова, изображающие чувственные образы»: они необычны по своим звуковым характеристикам, морфологии и грамматике и, кажется, созданы именно для того, чтобы выражать внутренний человеческий опыт¹⁰. В пример можно привести слово «цыц», которое представляет собой диалектное название щенка или взрослой собаки небольшого размера, употребляемое на территории Ростовской области. По своему звучанию данное слово похоже на «цыц-цыц» — звук, которым человек подзывает к себе пса, в результате чего в уме формируется конкретный чувственный образ. Именно данное свойство идеофонов отличает их от междометий, так как первые могут быть использованы для создания образа или описания, последние являются немедленными реакциями на восприятие какого-либо события (например, «ай» при прикосновении к горячему предмету).

Идеофоны, обладающие миметическими и экспрессивными свойствами, обычно встречаются во многих языках мира, в том числе и русском. Из этого можно сделать вывод, что идеофоны представляют собой универсальные явления, которые, однако, менее свойственны индоевропейским языкам ввиду того, что их основой является редупликация определенных звуков или слов для формирования звукоподражательных слов («кап-кап», «еле-еле», «чудо-юдо», «трали-вали», «тяп-ляп», «так-сяк» и т. д.)

Из этого можно сделать вывод, что идеофоны должны представлять особый интерес для исследования эмоций в рамках лингвистики. В некоторых языках основная функция данных слов — изображать эмоции и создавать эмоциональную гармонию между говорящим и слушающим.

Метафоры

Как показано в предыдущих описаниях, лексикон эмоций достаточно богат в русском языке. Однако слова и фразы не существуют как отдельные объекты, а образуют взаимосвязанные сети. Одной из таких надлексических структур является метафора. Растущая литература в области когнитивной лингвистики исследует метафоры, отражающие эмоциональные состояния, такие как «в пылу гнева» (также «взорваться от гнева», «в порыве гнева», «мгновенно вспылать гневом» и т. д.). Также необходимо отметить, что лингвистические метафоры обладают когнитивным эффектом. Действительно, носители русского языка, которые слышат слова, связанные с гневом, «видят» красный цвет и «повышенную температуру», что согласуется с языковыми метафорами¹¹.

Предполагается, что такие метафоры, как «в пылу гнева», «взорваться от гнева», «в порыве гнева», «мгновенно вспылать гневом» и т. д., основаны на универсальном восприятии и физиологии. Однако А.В. Уланов утверждает, что эти метафоры являются результатом исторического развития языка¹². Более того, гуморальное объяснение метафоры могло бы предсказать, почему физиологические эффекты, параллельные гневу, когда они сопровождают другие эмоции, такие как стыд (то есть «покраснение лица», субъективное переживание повышенной температуры), приводят к параллельным метафорическим выражениям. Так, в русском языке также существуют такие выражения, как «сгореть от стыда» или «покраснеть от стыда». Исторический анализ исследователей показывает, что термины эмоций часто возникают от конкретных глаголов: «беспокоить», оз-

9 Стаценко А.С. Междометия как языковой класс // Общество: философия, история, культура. 2011. №1-2. С. 1-4.

10 Алиева В.С. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2014. №1-2. С. 26-34.

11 Вотякова И.А. Некоторые замечания о концепте «Гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. №6. С. 5-10.

12 Уланов А.В. Метафора как языковой феномен русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. №1 (10). С. 62-66.

начающий «лишать покоя», удивить – «показать диво», ошеломить – «привести в состояние замешательства», очаровать – «произвести неотразимое впечатление», и т.д. Однако неизвестно, могут ли эти изменения быть мотивированы культурной спецификой языка.

В русском языке слово «страх» может быть существительным («ужасный страх поразил его сердце»), прилагательным («страшный переулочек»), наречием («ему стало страшно за свою семью») или глаголом («она страшилась одиночества»). Даже в пределах одного и того же класса слов могут быть выбраны разные формы. Для сравнения можно привести следующие примеры: «Иван пугается Маши» и «Иван пугает Машу». Эти глаголы имеют разное значение. На вопрос, кто является причиной события, причинно-следственная связь приписывается Ивану в «Иван пугается Маши», но Маше – в «Иван пугает Машу». Аналогичная ситуация наблюдается в следующих примерах: «Иван уважает Машу» («уважение» функционирует как глагол) и «Иван отдает уважение Марии» («уважение» функционирует как существительное).

Выбор глагола может повлиять на суждения о том, как долго длится событие, сколько информации можно вывести о предмете и ситуации, считается ли событие поддающимся проверке или спорным и т.д. Глаголы эмоционального выражения (например, «улыбаться», «хмуриться») вызывают большую активацию соответствующих мышц лица, чем прилагательные, связанные с этими выражениями (например, «смешной», «хмурый»), даже когда глаголы и прилагательные совпадают по валентности. Эти примеры служат иллюстрацией множества способов лексикализации терминов эмоций, каждый из которых имеет свои тонкие последствия для концептуализации и восприятия высказывания.

Из этого можно сделать вывод, что структурным элементом, который играет важную роль в полевой организации эмотивных единиц в русском языке, является ядро, которое содержит основные эмоции, равно как и их синтаксических структур, которые употребляются носителями языка. От ядра как центра полевой модели в данном случае необходимо переходить к синонимам ядерного

понятия, функционирование которых также важно для формирования структуры. При этом периферийная зона содержит как метафорические, так и фразеологические структуры, которые предоставляют возможность идентифицировать эмоцию, а также косвенно или напрямую указать на психическое состояние человека.

Необходимо также принимать во внимание номинативно-семантическое поле, в состав которой по определению входят номинации, которые эксплицитно выражают эмоции. Соответственно, семантический аспект приходит на замену функциональному, в результате чего появляется возможность определить особенности между синонимическими единицами номинативной лексики, отражающей человеческие эмоции.

Таким образом, ядром полевой организации рассматриваемых языковых единиц является категориально-эмотивная лексика. В ее составе содержатся производные от эмоций, которые являются базовыми в рамках русского языка. Одним из них является уже рассматриваемая в настоящей работе категория «страх», которая и является ядерной частью поля. Что касается периферии или центра, то в его состав входят производные и синонимы базовой эмоции, которые могут быть выражены следующими словами: *ужас, тревога, опасение, испуг, паника, жуть* и т.д. При рассмотрении крайней периферии необходимо учитывать только те фразеологические единицы и метафоры, которые отражают конкретное эмоциональное состояние человека, либо используются в совокупности с номинациями, которые прямо отражают эмоцию в рамках конкретного высказывания, например, «у него аж мурашки по коже побежали», «от страха ноги подкосились». Из этого можно сделать вывод, что при моделировании поля базовых эмоций с точки зрения номинации и семантики появляется возможность определить связи парадигматического характера, присущие конкретной эмоции в русском языке. При этом данное поле является номинативно-семантическим, так как в нем содержатся синонимические ряды эксплицитно номинируемых в речи эмоций, отношения парадигматического характера, а также их семантические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева В.С. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2014. №1-2. С. 26-34.
2. Влавацкая М.В. Коннотативно-селективные ограничения экспрессивных словоупотреблений // Научный диалог. 2016. №6 (54). С. 31-42.
3. Вотякова И.А. Некоторые замечания о концепте «Гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. №6. С. 5-10.
4. Кривцун О.А. Эволюция языка искусства: культурные и художественные влияния // Художественная культура. 2019. №2. С. 2-16.
5. Мамушкина С.Ю. Коммуникативная релевантность языковых функций // БГЖ. 2016. №4 (17). С. 84-88.
6. Мокиенко В.М., Мелерович А.М. и др. Проблемы фразеологической и лексической семантики: сборник научных трудов. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 286 с.

7. Опарина Е.О. Эмоциональная сфера в языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 5-15.
8. Павлова Л.П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52). С. 96-99.
9. Стаценко А.С. Междометия как языковой класс // Общество: философия, история, культура. 2011. №1-2. С. 1-4.
10. Уланов А.В. Метафора как языковой феномен русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. №1 (10). С. 62-66.
11. Фомина А.Г. Средства репрезентации категории эмотивности в тексте // Вопросы науки и образования. 2018. №11 (23). С. 1-3.
12. Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. Pp. 145—178.

© Чжан Цуйцуй (cuicuiz@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет